

Кристина Шафранец

Университет Николая Коперника

<https://orcid.org/0000-0002-5967-3109>

krystyna.szafraniec@umk.pl

ГЛОКАЛЬНОСТЬ ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКОГО МИРА. СОЦИАЛИЗАЦИОННАЯ ПЕРСПЕКТИВА

GLOKALNOŚĆ POSTKOMUNISTYCZNEGO ŚWIATA.
PERSPEKTYWA SOCJALIZACYJNA

DOI: 10.24917/ycee.2020.11.7-21

Аннотация:

В статье представлен круг размышлений о роли молодого поколения в процессе социальных изменений, поднимается вопрос о специфике посткоммунистических стран. Контекст происходящих там ускоренных изменений с двойной этиологией и интенсивностью (трудный процесс политического преобразования и одновременное открытие системы перед глобальными влияниями) обязывает наблюдать за происходящим там с особым вниманием. Предметом анализа является пространство социализации, в котором функционируют молодые граждане посткоммунистических стран – представители первого поколения, чья юность пришлась исключительно на новую систему, что в некотором смысле является их совместным поколенческим опытом и отличает их от старших. Что заполняет это пространство и каков социальный статус посланий, отправляемых молодежи различными институтами и социальными группами? Анализом охвачены девять посткоммунистических стран Европы и Азии. Его основой являются различные типы существующих источников – национальных и международных, собранных в сотрудничестве с иностранными партнерами.

Ключевые слова: глобализация, глокализация, социализация, посткоммунистические страны, молодежь.

Abstrakt:

Artykuł przedstawia analizy dotyczące roli młodego pokolenia w procesie przemian społecznych w krajach postkomunistycznych. Autorka zwraca uwagę na kontekst, w jakim funkcjonuje młodzież. Z jednej strony, na młodzież ma wpływ trudny okres transformacji ustrojowej. Z drugiej strony, postawy i aspiracje młodzieży są kształtowane przez otwarcie systemu na wpływy globalne. Przedmiotem analizy jest przestrzeń socjalizacyjna, w której funkcjonują młodzi obywatele krajów postkomunistycznych – przedstawiciele pierwszego pokolenia, którego młodość przypadła wyłącznie na nowy system będący w pewnym sensie ich wspólnym doświadczeniem pokoleniowym, odróżniającym ich od starszych. Co wypełnia tę przestrzeń i jaki jest status społeczny przekazów wysyłanych do młodych ludzi przez różne instytucje i grupy społeczne? Analiza objęła dziewięć krajów postkomunistycznych w Europie i Azji. Opiera się na różnego rodzaju istniejących źródłach – krajowych i międzynarodowych, zebranych we współpracy z partnerami zagranicznymi

Słowa kluczowe: globalizacja, glokalizacja, socjalizacja, kraje postkomunistyczne, młodzież.

Социализация является одной из перспектив, позволяющих наблюдать процесс становления общества и социальные изменения, дает представление изнутри и от основ. Этот процесс придает социальной жизни специфические рамки и динамику – формирует у людей определенные идеи, навыки и ожидания, касающиеся их собственной и общественной жизни. Эти идеи и ожидания рано или поздно сталкиваются с социально-экономическими, политическими реалиями, доминирующей культурой, а эффект этого столкновения определяет пространство возможных изменений и возможных социальных проблем. Это причина, по которой молодые люди – наиболее чувствительные объекты социализационных воздействий – рассматриваются как естественный источник напряженности и социальных изменений (Mannheim, 1938, 1943).

Чем быстрее и глубже изменения, тем больше активность молодежи, тем больше вероятность того, что ее предпочтения, жизненные устремления будут черпаться из новых предложений, находящихся за пределами текущего, заданного культурой репертуара. Молодые граждане посткоммунистических стран являются представителями первого поколения, чье интеллектуальное становление пришлось исключительно на новую систему, что в некотором смысле является их совместным поколенческим опытом, отличным от старших поколений. Тем не менее, не только на этом факте базируется их специфичность. С конца 80-х годов страны из-за «железного занавеса» стали открываться миру, а этот факт означает, что молодые поляки, латыши, китайцы или русские дорастали с тех пор на границе различных социальных и культурных миров. Это существование «между» создает новое качество и много чего усложняет. С одной стороны, оно оживляет общество, культуру, исключает догматический взгляд на мир, а с другой

стороны – приносит много рисков и угроз. Такая жизнь, с осознанием пограничности окружающего мира, является поводом для исследования и критики существующих реалий, но в то же время вызывает страхи и склоняет к поведению, мало способствующему изменениям – в направлении решений консервативных, ксенофобских, вызывающих предубеждение.

Посткоммунистические страны, создавая пространство с общим политическим ядром, выбрали различные пути преобразования. Одни находятся в странах бывшего Восточного блока в Европе, другие страны – азиатские – претерпевают системную трансформацию. В результате процессов глобализации молодежь, живущая в этом пространстве, подвержена воздействию аналогичных предложений и образцов. В то же время разнообразие условий, в которых живут молодые люди в отдельных странах, и разнообразие перспектив развития способствует тому, что в более бедных странах, где процессы изменений проходят менее интенсивно, потолок стремлений молодежи ниже и менее уязвим к разочарованиям. Тем не менее, и здесь, и там мир стремлений молодых людей перемещает границы удовлетворенности жизнью выше стандартов прошлого, становясь одновременно источником как позитивных изменений, так и проблем. Это позволяет предположить, что давление молодежи на систему в посткоммунистических странах будет, как правило, расти, хотя в каждой из них будет различным.

Работа направлена на определение социализационной специфики этих стран, если таковая вообще существует. Во-первых, попробуем выяснить, под воздействием каких принципов/правил происходит организация социально-культурного пространства в этой области, во-вторых, под воздействием кого и чего (каких социальных агентов и каких культурных девизов) протекает процесс

социального становления и развития молодежи. Источники, которые можно использовать для описания интересующего нас поля, довольно скромны – процесс социализации не является частым предметом исследований социологов в посткоммунистических странах, кроме того, довольно трудно найти какие-либо эквивалентные сравнения. С другой стороны, это не главное. Наша цель заключается в понятной диагностике, которая требует не столько сопоставимых эмпирических данных, сколько конкретных структурирующих категорий, упорядочивающих знания о современных социализационных тенденциях и практике в посткоммунистических странах. Речь идет о создании определенного категориального каркаса и социологических знаний, дающих возможность определить локальную специфику на фоне более широких, глобальных преобразований – о представлении социализационного пространства в качестве активного поля, сосуществующих, взаимозависимых друг от друга фактов (процессов, социальных субъектов, культурных девизов, воздействий) (Lewin, 1943, с. 292–310), которые могут быть описаны в определениях глокальности (Robertson, 1992) или глокализации (Bauman, 1997).

1. Новая логика конструирования социально-культурного пространства

Социализация молодого поколения в реалиях прежнего режима происходила в замкнутом социально-культурном пространстве. Возможность выбора жизненных моделей и образа жизни была ограничена, а контакты с остальным миром доступны для немногих и отфильтрованы. Отход от коммунизма и открытие обществ реального социализма миру также означало изменение правил, в

соответствии с которыми начало формироваться социально-культурное пространство. Без сомнения, сегодня оно имеет пограничный статус (Szafranec, 2014) – со всеми вытекающими последствиями в виде институционального несоответствия (Ogburn, 1975), незрелого культурного пространства (Goldberg, 1941), социальной аномии (Durkheim, 1999; Merton, 1982), или незаконченной фрагментаризованной социализации (Giddens, 1991; Szabó, 2009).

В этих пределах динамично формирующегося пространства сталкиваются не только (глобальные) предложения и образцы с (локальными) социально-экономическими условиями, но и глобальные предложения (содержание) с местным содержанием (предложениями). Каждая из этих областей представляет собой динамическую систему. Пространство локальных возможностей создает своего рода конгломерат национальных традиций с элементами наследия реального социализма, и отношения между ними и между различными новыми решениями (в экономике, политической системе) до сих пор не во многих странах окончательно определены¹. Глобальное предложение появляется в этом контексте в виде ценностей и символов постмодернистского мира и проникает в локальную почву в очень избирательной, препарированной из первоначального контекста форме.

Перемещение этих пространств остается в тесной связи с различными в разных странах темпами отхождения от старой политической траектории. В Польше этот процесс начался уже в начале 1970-х гг. и породил поколение социалистического арьергарда, которое имело в своем опыте не только массовое участие в общественном движении

¹ В связи с этим (но и из-за избирательности изменений в системе) определение «посткоммунистический» я использую в очень условном смысле.

«Солидарность», но и сформированные в ранней молодости иные (почерпнутые за пределами системы) представления о своей собственной и общественной жизни. Изменение политического строя в конце 1980-х гг., хоть и имело шоковый² характер, не было для поляков сильным ментальным и культурным шоком – было социально ожидаемо, принято, представляло собой элемент предыдущих устремлений, опыта и планов (Adamski, 2014; Reukowski, 1993). Даже если окупилась социальная травма, для нового молодого поколения – подрастающего в посткоммунистической Польше – это означало вращение в мир с более прозрачной и более согласованной нормативной структурой и взросление под присмотром других (изменившихся посредством политического опыта) взрослых.

Россия, напротив, является примером страны, которая пережила, пожалуй, самые шокирующие и травматические изменения. Распад Советского Союза означал не только отход от старой системы – он означал крах империи, глубокий паралич государственных институтов, экономический спад, приводящий к многочисленным социальным дисфункциям, последствия которых были слишком заметны в росте патологических явлений и рисков для развития детей и молодежи (Zocsev, 1999). Глубокая социальная травма для россиян была более болезненной, потому что система, в которой они жили, не испытывала ранее серьезных легитимационных кризисов, а идентификация общества со старым режимом казалась естественной. Когда в конце 1990-х гг. они приступили к реформам и подчинению государства, выбирая путь сильной власти, Польша и польский народ были уже в другом месте.

² Символическим выражением этой трансформации были переговоры за «Круглым столом» в 1989 г. и являющиеся их результатом первые свободные выборы в так называемый «контрактный сейм».

Совершенно иначе формировалось социально-культурное пространство остальных европейских стран бывшего Восточного блока – Латвии, Венгрии, Румынии, Болгарии. Не имеющие традиций социального сопротивления и мощно советизированные, они выбрали проевропейский курс в рамках политических решений (Wnuk-Lipiński, 2005, с. 112–131). Имитационный характер изменений при отсутствии надлежащей инфраструктурной и ментальной базы, внедрение западных моделей в сочетании с многочисленными локальными дефицитами и отсутствием опыта гражданского общества не только продлили дорогу ухода от коммунизма, но и сделали ее более ухабистой и гораздо менее ясной для общества, социализационные эффекты чего наилучшим образом и наиболее выразительно описаны в терминах социальной аномии (Szafraniec, 1986, 2002).

Приведенные примеры не образуют континуум, на котором можно было бы подразделять и оценивать отдельные страны. Они иллюстрируют только различную логику преобразовательного перехода, проецирующую развитие социально-культурного пространства, создающего контекст для процессов социализации молодежи. Логика этого перехода, хотя и является важной, не играет социализационно решающего значения. Важную роль здесь играют еще и другие факторы, способствующие тому, что в некоторых странах эти процессы прошли относительно быстро, плавно и привели к четким культурным посланиям, в то время как в других кристаллизация векторов перемен и адаптация институциональных правил к новым образцам представляли собой длительный, трудный процесс, запутанный в многочисленных внутренних противоречиях, из которых новая адаптивная культура (Ogburn, 1975, с. 255–260) появлялась в различном темпе.

Не имеют особого применения диаметрально противоположные ситуации Польши

и России. По сути, это не Польша является примером быстрого перехода от одного социально-культурного пространства к другому, а Германия, где объединение коммунистических восточных земель с демократическими западными провинциями не было связано с необходимостью поиска новых моделей, а также с необходимостью поиска средства для их реализации. Все было на расстоянии вытянутой руки – готовые решения, готовая институциональная инфраструктура, политическое лидерство, финансовая поддержка. Социальный энтузиазм немцев после падения Берлинской стены дал относительно быстрый унификационный эффект, хотя и не в полной мере были нивелированы различия, еще сегодня заметные в характеристиках восточной и западной немецкой молодежи (Leven, Quenzel, Hurrelmann, 2015)³. Пример Германии напоминает пример Вьетнама – там, однако, коммунистический порядок стал доминирующим. Вьетнам открывается для глобальных влияний, принимая – по примеру Китая – стратегию выборочных и контролируемых перемен, разрешающих маркетизацию экономики и исключающих возможность политических изменений и отрицание коммунистического идеологического строя.

Социально-культурное пространство, в котором протекают процессы социализации молодого поколения, становится пространством с двойным девизом, и это в равной степени относится как к бедному Вьетнаму, так и к богатому Китаю. И здесь, и там молодежь растет в среде, заполненной

³ До сих пор некоторые немцы в восточных федеральных землях выражают сожаление по поводу того факта, что в 1990 г. не удалось сохранить некоторые проверенные и опробованные в ГДР решения, например система ухода за детьми в дошкольном возрасте. Кроме того, на восточных землях критикуется ликвидация нерентабельных, с западной точки зрения, промышленных предприятий.

противоречивыми культурными девизами, диморфический характер которых официально не проблематизирован. Существенным отличием является разница в позиции, которую обе страны занимают на экономической и политической карте мира, а также позиция традиционной культуры. Китай на протяжении многих лет предоставляет своим молодым гражданам много новых возможностей, стимулирующих их желания и стремления. Вьетнам, разделяя амбиции развития Китая, является намного более бедной страной. Тем не менее, происходящие там изменения также эффективно расширяют пространство, стимулирующее иной тип стремлений и жизненной активности молодежи, увеличивая одновременно ее дистанцированное отношение к традиционным моделям (*Vietnamese Youth in Modern Era*). Описанные различия создают принципиально иную основу для принятия новых моделей из-за пределов локального пространства.

2. Постмодернизм и глобализация как неизбежный контекст

Для описания глобального контекста, в котором протекают процессы окончательного определения локальной идентичности, имеющие важное значение с точки зрения социализации молодежи, категория постмодернизма представляется наиболее актуальной. Называемый также поздним (Giddens, 1991) или другим / иным (Beck, 1992) модернизмом, он представляет собой условное название, принятое социологами для определения развитого общества второй половины XX века. Общество это в историческом разрезе наиболее насыщено техникой, характеризуется невероятной степенью сложности жизни и беспрецедентным темпом перемен. Оно полно внутренних противоречий – с одной

стороны, побуждает к эксклюзивному консьюмеризму и обещает визию бесконечного процветания, с другой стороны, попадает во все более глубокие кризисы. В постмодернизме социологи выделяют такие его особенности, как непостоянство, рефлексивность, риск, желая подчеркнуть, что мир, в котором мы живем, перестал быть структурированным, предсказуемым, постоянным (Bauman, 2006).

На самом деле, постмодернизм означает все более беспощадный отрыв культуры от готовых моделей и практик, что способствует тому, что социальная жизнь подвергается все большей индивидуализации и дестрадиционализации. Разрушение традиционных институтов и авторитетов, нестабильность и непрозрачность окружения делают мир (даже ближайший) мало предсказуемым – он становится миром «для создания» с основной задачей создания иных, адекватных к новой ситуации и задачам, стратегий и моделей жизни. В этой задаче традиционные / существующие ранее решения и традиционные / существующие ранее авторитеты не всегда срабатывают. В то же время неизбежность этих процессов приводит к невозможности не принимать участия в переменах, которые приносит постмодернизм (Giddens, 1991). Таким образом, они начинаются – в результате внутренней трансформации – также для посткоммунистических стран, определяя там все более четкие рамки индивидуальной и коллективной жизни.

Под давлением консьюмеризма жизнь, основанная на депривации, воздержании и дефицитах, характерных для старого режима, отходит, как культурная модель, в небытие. Явным образом в стратегии экономического развития пропагандируются удовольствие и достаток. Мир потребления – также в посткоммунистических странах – становится миром обязательным, нормальным, не имеющим альтернативы. Это очень важно

с точки зрения обстоятельств, в которых растут молодые люди.

Периферическая борьба с постмодернистской формой ослабила контроль над собственным, и без того уже ослабленным за годы коммунистического правления, локальным культурным кодом, что делает из посткоммунистических стран пространство, где колонизация повседневной жизни посредством моделей потребления становится успешной и задает основной тон социализации молодежи. Как это ни парадоксально, типичные для обществ этих стран мечты о свободе и «жизни, как на Западе» начали исполняться благодаря рынку, который стал главным противником гомогенизации общества. Давление культуры, ориентированной на стиль жизни, приводит к тому, что подчинение потребительской зависимости становится условием индивидуальной свободы, права на индивидуальность и идентичность на основе своих собственных конфигураций и смысла (Bauman, 2006, с. 129–135). Чувство свободы – основная вещь для молодых людей – сцепилось именно здесь с более сильным желанием обладания и использования предметов (философия «иметь»), реже с их более тонкой трактовкой (философия «иметь, чтобы существовать»).

Когда консьюмеризм, как основное послание, попадает в общества, описываемые ранее как «равные в бедности», нельзя замечать лишь одну его сторону. Последняя рекомендует помнить, что добродетелями консьюмеризма могут воспользоваться те, кто может себе это позволить, а таких в богатеющих обществах меньшинство. Как отмечает Джон Сибрук (Seabrook, 1988, с. 168–169), бедные и богатые не живут в отдельных культурах. Они должны жить вместе в мире, устроенном с мыслью о тех, у кого есть деньги. Когда консьюмеризм, отмечает Бауман (Bauman, 2006), с одинаковой силой искушает богатых и бедных, «бедные не могут отвести глаз в сторону, потому что их некуда отвести (...)

Чем больше выбор у богатых, тем более невыносимой для остальных становится жизнь, лишенная выбора» (Bauman, 2006, с. 137).

Эта разница жизненных положений и жизненных возможностей становится в посткоммунистических обществах источником разочарований и негодования, становящихся все сильнее из-за того, что они сталкиваются с растущим неравенством, к которому эгалитарные до этого времени общества ментально не привыкли. Это находит свое отражение в аномичном поведении, нарушающем социальные нормы (или для достижения желаемых благ, или для выплеска агрессии и гнева), или же в растущей статистике эмоциональных расстройств у молодежи (Szafraniec 2011, с. 305–315).

Проблема представляется более сложной, потому что ситуация в посткоммунистических странах напоминает не только раннекапиталистические западные общества первой половины XX в. («богатеющие»), но и богатые, потребительски ориентированные западные общества второй половины XX в., где аномию нищеты заменила аномия процветания (Simon, Gagnon, 1976). Несомненно, процессы глобализации, вторгшиеся в посткоммунистические страны, быстрее захватили сферу культуры и социальных ожиданий, нежели какую-либо другую сферу жизни. Нельзя не отметить здесь присутствия – в некоторых странах до сих пор четко выраженного – элементов минувшего социалистического прошлого, сохранившихся в стилях политического управления, в средствах массовой информации, в сознании старших поколений.

В результате в культурном пространстве посткоммунистических стран функционируют три различных и извлеченных из различных социальных порядков культурных предложения – несколько архаичный уже социализм с его обязательствами по социальному обеспечению, сермяжный либерализм молодого родного капитализма и сложный консьюмеризм богатого западного мира.

Первое подчеркивает похвалу скромности и мимикрии, второе – моральный долг успеха (нет ничего плохого в стремлении к богатству и высокому социальному статусу, если вы сами его заработаете), третье – его основную идею: стиль жизни (наслаждайтесь им, живите в меру своего собственного воображения – будь богат, но также «*be cool*», «*be inspired*»). Сегодня последнее обращение, сосредоточенное на стиле жизни, является самым громким и имеет наибольший отклик – особенно среди молодежи. В случае младших возрастных групп значение успеха отделяется от усилий и становится претензией на успех в соответствии с социально рекомендуемым, привлекательным образом жизни. Это не является в бедных странах хорошим трендом. Одновременно иные послания современности, такие как право на равное обращение, гражданские ценности, уважение к меньшинствам и непохожести, качество окружающей среды, здоровый образ жизни, слабо проникают в локальную почву.

Устойчивое сосуществование различных нормативных порядков способствует тому, что социальная реальность характеризуется неопределенностью, неоднозначностью, отсутствием фиксированных точек отсчета. Люди, а особенно молодые, тяжело переносят такие ситуации. Символическая путаница, нестабильность и непрозрачность стандартов, неспособность понимания мира либо приостанавливают регулирующие функции личности, либо подталкивают к неконструктивному, с точки зрения развития, поведению (McClosky, Schaag, 1965). Если и можно предположить, что со временем социально-культурное пространство, в котором растет молодежь, гармонизируется, то давление на индивидуальный успех (вносимый глобальной культурой) и структурные ограничения в его достижении (что характерно для развивающихся стран) могут быть источником проблем.

Описываемые атрибуты постмодернизма кажутся невинными только при поверхностном взгляде. Они ставят в трудное положение как общественные институты, которые должны найти себя перед лицом новых требований, так и людей. Функционирование в такой среде требует овладения целым рядом специфических навыков, среди которых требование открытости и рефлексивности, а также требование активных действий в повседневной жизни относятся к основным. Осознает ли это и обладает ли такими навыками молодежь из посткоммунистических стран? Как справляются с новыми вызовами и проблемами основные институты и агенты социализации, привыкшие выполнять другие задачи и функционировать в соответствии с иными моделями? Что они могут предложить и какие сигналы посылают молодежи?

3. Главные агенты социализации

Трансформация политической системы существенно изменила контекст социализации в большинстве посткоммунистических стран. Политическая индоктринация, делающая ставку на коллектив и восхваление скромности, заменена идеологией консьюмеризма и мышления в категориях индивидуального успеха. Воздействие других моделей очень слабое. В результате молодежь выстраивает свою жизнь и идентичность в пространстве, в котором в значительной мере доминирует коньюмеризм, чего не проблематизируют ни политики, ни родители, ни учителя.

3.1. Рынок и средства массовой информации

В процессе социализации молодежи, помимо государства, школы, семьи, сверстников, важную роль играют средства массовой

информации. Традиционные СМИ играют сегодня не только роль источника информации о мире или поставщика развлечений, но и рупора свободного рынка и маркетинговых действий. Это они наиболее экспансивно пропагандируют модели жизни, к которым каждый должен стремиться. Глянцевые журналы и телевидение во всех посткоммунистических странах заполнены рекламой, склоняющей к стилю жизни, основанному на консьюмеризме. Они стремятся к созданию потребностей, которые не обязательно должны быть важными, истинными или иметь какую-либо связь с локальным культурным контекстом – важно, чтобы они учили принимать специфические ценности и способ мышления. Они выглядят удивительно похоже в каждой стране: рекламируются одни и те же гаджеты, товары, одни и те же способы проведения свободного времени, те же аранжировки проведения свадебных церемоний, дизайн квартир, точно так же выглядящие офисы. В каждой из анализируемых стран есть телевизионные каналы, которые показывают выбранные позиции мирового кинематографа, собственную современную продукцию и программы, вспоминающие коммунистические времена, а различия между ними касаются только пропорций.

Наиболее сентиментальными и ностальгическими являются азиатское (китайское и вьетнамское) и российское телевидение. Телевидение в посткоммунистических европейских странах менее ностальгическое, менее традиционное и гораздо чаще использует продукты западной культуры. Оно содержит больше элементов подражания, особенно касающихся стиля жизни и символики потребления. В немецких СМИ консьюмеризм и потребительский образ жизни предлагается значительно чаще в контексте и в сочетании с другими ценностями – терпимостью, открытостью, политкорректностью, хорошими межличностными отношениями и здоровым

образом жизни. В предложении средств массовой информации других стран они не представлены столь широко. Чем беднее страна / регион, чем больше убожество культурной инфраструктуры, тем больше присутствие телевидения в бюджете времени молодежи, тем больше ее влияние на формирование вкусов, взглядов и жизненных ориентиров. С другой стороны, не следует забывать, что основным получателем телевизионных программ является старшее поколение, которое таким образом также подвергается определенному влиянию. Такое приобщение к новому образу жизни может способствовать лучшему пониманию нового времени, нового молодого поколения, а также может быть источником увеличения дистанции между поколениями и неприятия новых моделей.

3.2. Государство и общественное пространство

На карте влиятельных социальных агентов, без сомнения, находится государство – не в роли воспитателя или покровителя молодежи, а в роли субъекта, принимающего важные решения и отправляющего таким образом значительные социальные сигналы. В случае стран, которые переживают трансформацию политической системы и формулируют задачи глубоких реформ, политика властей в целом, а также политика, ориентированная на молодежь, имеет особый смысл – она определяет способ отношения к социальным резервам и задает тон политическому воображению властей.

Практически во всех анализируемых странах существует некий вид программ / политики, адресованной молодежи, и в каждой из них можно указывать на наличие каких-либо документов, принятых правительством, в качестве направляющих действия в этой области. Там, где не полностью

расстались с коммунизмом (Китай, Вьетнам), функционирует непрерывная привычка формулировать партийно-государственные программы, определяющие направления работы с детьми и молодежью, расписанные по различным субъектам (министерствам, средствам массовой информации, школам, общественно-политическим организациям, профсоюзам).

В России правительственный документ, подчеркивающий необходимость особенных воспитательных воздействий, адресованных молодежи, был создан в конце 1990-х гг. в виде ответной реакции на множество негативных явлений, являющихся следствием социально-политических изменений, имевших место в последнее десятилетие XX века. Согласно Концепции духовно-нравственного развития и воспитания гражданина России, образовательные учреждения – в сотрудничестве с семьей и другими социальными агентами – должны работать над тем, чтобы воспитывать молодых россиян гражданами и патриотами, жизнеспособными в конкурентном мире высоких технологий.

В остальных анализируемых посткоммунистических странах не встречаются призывы к идейно-нравственному воспитанию молодежи. В большинстве из них нет также официальных программ или документов, указывающих направление государственной политики в отношении молодежи. Статус таких документов имеют элементы программ экономического развития⁴, но в основном различные виды программ, разработанных Европейской комиссией, принимаются национальными правительствами в рамках политики единения. Эти программы обычно реализуются фондами и организациями, обладающими фондами ЕС, а их цель – это

⁴ Например, План национального развития Латвии или Национальная стратегия по вопросам молодежи в Болгарии.

построение европейской идентичности, социальная интеграция, гражданская активизация молодежи, вовлечение ее в деятельность, открывающую традиции и историю собственной страны или региона.

Наиболее важной областью, в которой проявляется государственная политика в отношении молодежи, является система образования. В этой сфере каждое государство имеет эксклюзивные права на все виды решений и действий, лишь иногда делегируя часть своих прерогатив местным органам власти⁵ и в минимальной степени родителям. Независимо от того, являются ли изменения в образовании следствием преобразовательной логики или вытекают из транснациональных обязательств (как в ЕС) либо международного давления (например, сопоставимые образовательные стандарты), исключительно государство (правительство и политическая элита) определяет размер расходов на образование, и то, какой принципиальный вид будет иметь школа, каковым будет содержание школьных учебников, как они будут интерпретировать историю и современный мир.

С точки зрения перспективы социализации, важное значение имеют эмблемы и символы, которые использует государство. В Китае и Вьетнаме коммунистическая символика сосуществует с символикой свободного рынка и атрибутами государства в роли гаранта общественного порядка. Изображения партийных лидеров и партийная символика появляются в публичном пространстве наряду с билбордами, рекламирующими дорогие автомобили, корпоративную одежду или современные квартиры. Россия выделяется национально-патриотической символикой

⁵ Примером являются Польша и Венгрия, но даже при таких решениях правительство оставляет за собой право на наивысшее вмешательство – самоуправление здесь означает в первую очередь управление образованием и частичное принятие расходов, связанных с содержанием школы.

с элементами символов западного мира. Страны Центральной и Восточной Европы заполнены рыночной символикой и символикой консюмеризма, подчеркивающей их членство в ЕС. В то время, как в Германии демонстрируется федеративность и разнородность, в Польше доминирует монокультура и католические эмблемы и символы. Все эти сигналы имеют важное социализационное значение, особенно в конфронтации с другими культурами и сообществами, когда чувство коллективного Я подвергается испытаниям.

3.3. Религии и церкви

Религии и церкви были в коммунистических странах маргинализированы и вытолкнуты на окраину общественной жизни, а иногда и подвергались преследованиям. Это было связано с доктринальным исключением каких-либо институтов, которые могут иметь власть над людьми. Среди них религия считалась самым большим конкурентом. С 1990-х гг. активность церкви в публичном пространстве посткоммунистических стран усиливается. Это следует не только из возвращения церквям и религии статуса полноправного участника общественной жизни (чем они старательно пользуются), но также и из далеко идущих амбиций по расширению сферы влияния путем вхождения на территории, которые ранее были исключительной прерогативой светского государства.

С этой точки зрения можно расположить анализируемые страны в порядке от наиболее до наименее насыщенных присутствием церкви и религии в пространстве социализации, в котором растет молодежь. В верхней части списка следует разместить Польшу, в которой положение католической церкви было сильным, а с 1989 г. было дополнительно усилено подписанным в 1993 г. Государственным договором (конкордатом) между Польшей

и Ватиканом (Krukowski, 2010, с. 95–112)⁶. Ученики польских школ имели уроки католического катехизиса на протяжении всего периода обучения. Занятия проводились духовенством или светскими катехизаторами, нанятыми на работу в качестве штатных сотрудников, оплачиваемых государством.

Посткоммунистические страны в вопросе религии в школе представляют определенную специфику, вытекающую из игры политических интересов церкви и государственной власти, которая в новой реальности с трудом выстраивает свою позицию и нуждается в поддержке Церкви. Политические амбиции двух центров силы и соглашения, которые между ними заключаются, в эффекте приводят к чрезмерной перекройке институциональных решений. «Политизированная» религия, форсирование школьного катехизиса не всегда соответствуют ожиданиям родителей и не всегда нравятся молодежи. Это становится причиной напряженности, а иногда и протестов и официальных жалоб со стороны общественности, направляемых в наивысшие властные структуры страны.

Помимо католической церкви в Польше, особенно активной является православная церковь в России и Румынии, ведущие широкомасштабную деятельность не только катехизического, но и социально-культурного характера. В остальных странах слабая позиция церкви является следствием секуляризационных действий государства в коммунистическую эпоху или следствием дополнительных исторических обстоятельств (Rosta, 2013). Сегодня к этим факторам присоединяется

влияние постмодернизма, что делает религию внутренней, глубоко персонализированной и индивидуально удовлетворяемой потребностью. Это затрудняет проникновение к молодежи институциональных религиозных посланий (Mariański, 2010; Leven и др., 2015) или делает религию объектом моды (Li, Liu, 2000; Chen, 2003; Zhang, Li, 2011).

3.4. Школа

Школа в большинстве посткоммунистических стран переживает кризис, который лишь частично имеет бюрократические или финансовые источники. Прежде всего, это кризис целей и личностный кризис, связанный с переходным периодом трансформации, включающий в себя изменения двойного – эндогенного и экзогенного – происхождения. В коммунистические времена задачи школы были четко определены. Отход от коммунизма и серия системных преобразований изменили все. Процессы регуляции происходили в большинстве стран спонтанно, под давлением новых ценностей (идеология успеха), новых тенденций цивилизации (идея общества и экономики знаний), новых экономических условий (глобализация), а также новых социальных нужд (социальное продвижение).

В новых реалиях школа становится бюрократически управляемой, недофинансированной, рассматривается как поле политического влияния. Школа становится учреждением, исповедующим инструментально понятное образование, полностью сосредоточенным на передаче знаний и навыков, считающихся целесообразными с точки зрения внешних ожиданий (экономических, политических, цивилизационных). Помимо традиционного основного канона, появляются новые обязательные занятия по информатике, увеличивается пакет изучения иностранных

⁶ После 1989 г. конкордаты, или международные соглашения между Ватиканом и высшими органами государственной власти, подписал ряд стран Центральной и Восточной Европы, в том числе восточные земли Германии, но только записи в польском конкордате давали такую сильную позицию католической церкви и вводили столь строгие решения.

языков, предпринимательства и религии (в европейских школах). Гражданское воспитание подчинено в большинстве своем историко-национальной политике. Единственным исключением в этом отношении являются немецкие школы, где гражданское образование (так называемый *Sozialkunde*), твердо установлено в контексте современной демократии, включает в себя на равных правах национальное и транснациональное определение.

Есть ли социальный успех? Поддерживается ли молодежная интеллигенция в обществе и достигается ли цель социализации? В лучшем случае, частично. Школьные программы ориентированы на прошлое. Когда школа действует в динамичной среде и в то же время закрывается в старых схемах знаний, социализация не может быть успешной. Проблема, без сомнения, является более универсальной и касается не только посткоммунистических стран (Rorty, 198, с. 167–179).

3.5. Семья

Какова роль семейной социализации в отношении детей, а также по отношению к системным преобразованиям? Способствует ли она их адаптационному успеху и поддерживает ли системные изменения или скорее является хранилищем старых ценностей, старых способов мышления и старых моделей (ослабляя тем самым адаптационные возможности детей, а также замедляя процессы преобразований)? Системные особенности семейной социализации не имеют однородного характера. В некоторых странах наблюдаем ментальную готовность родителей к переменам уже в самом начале изменений, у других она остается слабой.

Исследования, проведенные в Польше, показали четкое признание идеологии успеха и предпочтение новых конституционных

механизмов (свободный рынок, демократия, гражданские свободы) не только в 1990-х гг., но и раньше (Reykowski, 1993; Szafraniec, 2001; Adamski, 2014). В отличие от Польши, в Румынии гораздо позже наступила акси-нормативная переориентация. Ослабевающий энтузиазм к системным изменениям, особенно видимый в европейских странах, не уменьшился, однако, уровня признания ценности индивидуального успеха, который имеет важное значение для семейной социализации. Пайдоцентризм, ставящий на центральное место ребенка, его будущее и потребности, является основным фактором в организации стиля воспитания в семье. Родители придают большое значение достижениям детей. Их подход может быть описан термином «должен», что особенно заметно по сравнению с традиционным подходом немецких родителей, выраженным утверждением «ничего не должен, в лучшем случае можешь, если хочешь» (Leven и др., 2015).

Стили социализации отличаются в зависимости от социально-экономического статуса семьи и ее культурного капитала. В польских исследованиях (Szafraniec, 2001) существуют новые социальные контексты и новые проблемы мобилизации семей высшего и среднего статуса. Там показана не только молодежь, но и вовлечение родителей и их инвестиций в развитие детей. Молодые люди из бедных семей демонстрируют низкие стремления в жизни. Они сосредоточены в основном на социальном обеспечении и обладании вещами, которые являются эмблемами успешного образа жизни. В этих семьях не вкладывают средства в образование, но мечты о процветании очевидны. Родители испытывают трудности в поиске себя в новой реальности. Стремления и жизненные стратегии молодых людей из первых двух сегментов общества динамизируют происходящие изменения. Третья область выступает в качестве тормозной системы, по крайней

мере, в европейских странах. В Китае и Вьетнаме, где экономический успех открывает множество новых возможностей, бедные люди являются твердыми сторонниками дальнейших реформ, полагая, что в случае проведения этих реформ они также смогут стать их бенефициарами (Peng, Shao, 2013; Qing, 2014).

3.6. Сверстники и новые средства массовой информации

Сверстники являются в подростковом возрасте наиболее важной нормативной точкой отсчета, важнее родителей и школы, их социальное влияние дает о себе знать везде, где есть возможность взаимного контакта. В коммунистические времена существовал обычай организации для молодых людей мест и контактов «под особым наблюдением». Это были различного рода организации и объединения (в области спорта, искусства, хобби, политики), молодежные дома, общественные центры – все под контролем социалистического государства. Сегодня этот вид опеки над молодежью уходит в прошлое (в наиболее развитой форме он остается еще во Вьетнаме и Китае). На месте старых организаций появляются организации нового типа – НПО, волонтерство. Но это не те учреждения, организации или ассоциации, где молодежь живет собственной жизнью и любит проводить время. Таким местом сегодня является Интернет. Его доступность во всех посткоммунистических странах не является проблемой. На сегодняшний день доступ к сети имеет свыше 98% немецкой, 95% польской, латышской, болгарской, (Leven и др., 2015, с. 121), 84% венгерской (Kitta, 2013, с. 355) и 69% румынской молодежи (Stoica, 2014, с. 98).

Особый интерес вызывает вопрос о влиянии Интернета на пространство свободы для

молодых людей в странах, которые когда-то эту свободу ограничивали (некоторые делают это до сих пор⁷). Ответ на этот вопрос настолько удивительный, насколько и обыкновенный. Интернет, даже контролируемый, значительно увеличивает площадь свободы молодежи. В то же время социальные функции Интернета все чаще обсуждаются (Leven и др., 2015; Federowicz, Ratajski, 2015). С одной стороны, он предоставляет бесконечные возможности и удовлетворяет важные потребности жизни молодых людей (социальные отношения, творчество, эксперименты со своим собственным Я), с другой – является форумом для дискуссий о важных социальных проблемах, учит гражданской активности. Есть много исследований, которые показывают, что новые средства массовой информации не только меняют навыки и привычки, они изменяют мозг, заставляя пользователей иначе мыслить, чувствовать, иначе смотреть на мир, иначе его обучают и иным образом в нем (вероятно, по этой же причине) функционируют (Carr, 2013: с. 141 и далее). В сети растет в чистом виде «социализация под собственным присмотром» (Tenbruck, 1962). Тем не менее, Интернет не создает существенных нарушений в социальном пространстве интересующих нас стран, он также вписывается в пейзаж других учреждений, которые не облегчают задачу молодежи в поисках своего нового морального кодекса.

Выводы

Социально-культурное пространство, в котором проводится социализация молодого поколения в посткоммунистических странах,

⁷ В Китае Интернет доступен только через китайского оператора baidu.com, во Вьетнаме с 2003 г. закон запрещает размещать в социальных сетях (типа fb, twitter) любую информацию, кроме личных данных.

является специфическим пространством. Определяют его не только эффект локальности, столкновения глобальных тенденций, идей с ценностями местных условий, но и индивидуальные (специфические для данной страны) траектории отхождения от коммунизма. Сосуществование различных аксиомативных порядков и не до конца определенных отношений между различными элементами новосформированной системы работает так, что адаптационные процессы теряют направление и сталкиваются с проблемами. В случае молодого поколения это означает рост в динамически меняющейся и диморфной социальной среде.

Правительства стремятся обеспечить наилучшие условия для жизненного старта молодежи, создавая тем самым из молодого поколения важный капитал для преодоления цивилизационного разрыва, отделяющего посткоммунистические страны от развитых. В то же время предпринятые ими действия не всегда функциональны для этой цели. Реформы образования в большинстве стран неумело реализованы, механически имитируют решения, продвигаемые международными организациями (ООН, ОЭСР, Всемирный банк). Помимо Китая и Вьетнама, где внедрение западных решений ограничено, ключевые заинтересованные стороны образовательных изменений в других странах разочарованы этими изменениями. Образование имеет слабые связи с рынком труда, не приводит молодежь к пониманию современного мира. В то время как мир становится все более глобализированным и требует формирования идентичности, открытой для разнообразия, правительство и политики сосредоточили внимание на укреплении связей с национальными традициями. В случае посткоммунистических стран это логично и наряду с этим создается небезопасное пространство для всплеска национализма. В этих действиях правительство поддерживают

религия и церковь, активизировавшиеся в поиске рычагов влияния на молодежь, не обязательно с целью удовлетворения ее духовных потребностей. Когда речь заходит о средствах массовой информации и массовой культуре, в наибольшей степени проявляется поощрение потребительства, которое стало безусловной жизненной философией молодых людей. Убежденность в очевидности такого положения дел и чрезвычайно сложные условия, в которых стало жить молодое поколение, склоняет современных родителей к тому, чтобы дать детям всю необходимую поддержку. Поэтому жизнь большинства семей в посткоммунистических странах сосредоточена на обеспечении будущего детей и их потребностей, часто это происходит в условиях недостаточных семейных ресурсов.

Описанные тенденции варьируются в зависимости от местной специфики, но везде показывают, что социальное пространство очень сложное и до сих пор многие взгляды в этом отношении являются культурно незрелыми. Это пространство не является дружественным для молодого поколения, которое выросло под давлением очень различных коммуникативных и культурных влияний и подвергается воздействию многих рисков, которые в более развитых странах уже уменьшились в связи с их лучшей экономической ситуацией и более зрелыми институциональными механизмами.

Список литературы

- Adamski, W. (red.). (2014). *Fenomen „Solidarności” i zmiana ustroju. Polacy 1980–2011*. Warszawa: IFIS PAN.
- Bauman, Z. (1997). Globalizacja, czyli komu globalizacja, a komu lokalizacja, *Studia Socjologiczne* 3(146), s. 53–70.
- Bauman, Z. (2006). *Płynna nowoczesność*, tłum. T. Kunz. Kraków: Wydawnictwo Literackie.
- Beck, U., Lash, S., Wynne, B. (1992). *Risk Society. Towards the New Modernity*. London: Sage Publications.
- Bell, D. (1998/1976). *Kulturowe sprzeczności kapitalizmu*, tłum. S. Amsterdamski. Warszawa: PWN.

- Carr, N. (2013). *Płytki umysł. Jak internet wpływa na nasz mózg*, tłum. K. Rojek. Gliwice: Helion SA. [nazwanie oryginału: *The Shallows: What the Internet Is Doing to our Brains*]
- Chen, J. (2003). Study of the contemporary college students' religion. *Journal of Zhejiang Ocean University (Humanities Sciences)*, no 3.
- Durkheim, E. (1999). *O podziale pracy społecznej*, tłum. K. Wakar. Warszawa: PWN.
- Federowicz, M., Ratajski, S. (red.). (2015). *O potrzebie edukacji medialnej w Polsce*. Warszawa: Polski Komitet ds UNESCO.
- Giddens, A. (1991). *Modernity and Self-Identity. Self and Society in the Late Modern Age*. Stanford University Press.
- Gorškov, M., Šeregi, F. (2010). *Molodž'ž' Rossii: sociologičeskij portret*. Moskva: CSPIM.
- IRESS 2010, Romanian Institute for Evaluation and Strategy Survey 2010.
- IRESS 2016, Romanian Institute for Evaluation and Strategy Survey 2016.
- Kitta, G. (2013). The use of media among the Hungarian youth. In: L. Székely (ed.), *Magyar Ifjúság 2012*. Budapest: Kutatópont.
- Goldberg, M. (1941). A Qualification of the Marginal Man Theory. *American Sociological Review*, vol. 6.
- Konstantinovskij, D., Abramova, M., Cherednichenko, G. et al. (2015). *New Meanings in Educational Strategies of Youth: 50 years of research*. Moscow: Social Forecasting and Marketing Center.
- Krukowski, J. (2010). Konkordaty z państwami Europy Środkowej i Wschodniej zawarte na przełomie XX i XXI wieku. *Teka Komisji Prawniczej – Oddział PAN w Lublinie* 3, s. 95–112.
- Leven, I., Quenzel, G., Hurrelmann, K. (2015). Familie, Bildung, Beruf, Zukunft: Am liebsten alles. In: *Jugend 2015, Eine pragmatische Generation im Aufbruch*. Frankfurt/Main: Fischer Taschenbuch Verlag; Shell Deutschland Holding.
- Lewin, K. (1943). Defining the „Field at a Given Time”. *Psychological Review*, vol. 50, p. 292–310.
- Li, Suju, Liu, Qifei (2000). *Youth and the 'Religion Fever'*. Beijing: China Youth Press.
- McClosky, H., Schaar, J. H. (1965). Psychological Dimensions of Anomy. *American Sociological Review*, vol. 30.
- Mannheim, K. (1938). The Problem of Generations. In: K. Mannheim, *Essays on the Sociology of Knowledge*. New York: Oxford University Press.
- Mannheim, K. (1943). The problem of Youth in Modern Society. In: K. Mannheim, *Diagnosis of Our Times. Wartime Essays of a Sociologist*. London: Kegan & Co.
- Mariański, J. (2010). Religia w społeczeństwie ponowoczesnym. Studium socjologiczne. Warszawa: Oficyna Naukowa.
- Merton, R. (1982/1949). Struktura społeczna i anomia. W: R. Merton, *Teoria socjologiczna i struktura społeczna*, tłum. E. Morawska, J. Wertenstein-Żuławski. Warszawa: PWN.
- Ogburn, W. (1975). Hipoteza opóźnienia kulturowego. W: W. Derczyński, A. Jasińska-Kania, J. Szacki (red.), *Elementy teorii socjologicznych. Materiały do dziejów współczesnej socjologii zachodniej* (s. 255–260). Warszawa: PWN.
- Qing, Guangqiang (2014). Youths' realizations on social inequality and social conflict: Based on CGSS data. *China Youth Study*, vol. 6.
- Peng, Qinghong Shao, Yanjun (2013). Characters and Influencing Factors of Contemporary Youth's Values: Investigations of 1908 Young Workers in Beijing. *China Youth Study*, vol. 5.
- Reykowski, J. (red.). (1993). *Wartości i postawy społeczne a przemiany systemowe. Szkice z psychologii politycznej*. Warszawa: Wydawnictwo Instytutu Psychologii PAN.
- Robertson, R. (1992). *Globalization: Social Theory and Global Culture*. London: Sage Publications.
- Rorty, R. (1999). Education as socialization and as individualization. In: R. Rorty (ed.), *Philosophy and social hope*. New York: Penguin Books.
- Rosta, G. (2013). Practicing faith and religion. In: L. Székely (ed.), *Magyar Ifjúság 2012*. Budapest: Kutatópont.
- State of the Mobile Web, Raport Opera Software, April 2014.
- Seabrook, J. (1988). *The Race for Riches: The Human Costs of Wealth*. Basingstoke.
- Simon, W., Gagnon, J. (1976). The Anomie of Affluence: A Post-Mertonian Conception. *American Journal of Sociology*, vol. 82.
- Stoica, C. (ed.). (2014). *Young people in Romania: worries, values, aspirations and lifestyle*. Bucharest.
- Szabó, I. (2009). *Nemzet és szocializáció. A politika szerepe az identitások formálódásában Magyarországon 1867–2006*. Budapest: L'Harmattan.
- Szafraniec, K. (1986). *Anomia – przesilenie tożsamości: jednostka i społeczeństwo wobec zmiany*. Toruń: Wydawnictwo UMK.
- Szafraniec, K. (2001). Zmiana społeczna przez brak konfliktu pokoleń, *Przegląd Socjologiczny*, nr 1.
- Szafraniec, K. (2002). Anomia okresu transformacji a orientacje normatywne młodzieży. Perspektywa międzygeneracyjna. W: J. Mariański (red.), *Kondycja moralna społeczeństwa polskiego* (s. 453–480). Kraków: Wydawnictwo WAM i KS PAN.
- Szafraniec, K. (2011). *Youth 2011. Poland*. Warszawa: KPRM.
- Szafraniec, K. (2014). Marginesowość i pogranicze jako kategoria socjologiczna i metafora filozoficzna. W: M. Zielińska, B. Trzop (red.), *Transgraniczność w perspektywie socjologicznej*. Zielona Góra: LTN.
- Tenbruck, F. H. (1962). *Jugend und Gesellschaft. Sociologische Perspektiven*. Freiburg im Breisgau: Rombach.
- Wnuk-Lipiński, E. (2005). *Socjologia życia publicznego*. Warszawa: Wydawnictwo Scholar.
- Xueyi, L. (ed.). (2004). *Social Mobility in Contemporary China*. Beijing: Social Science Academic Press.
- Zhang, Wei, Li Ge (2011). Review of study progress of college students' religion. *Journal of Liaoning Teachers College (Social Sciences Edition)*, no 6.
- Zhong, Jianlong, Liu, Zhiming (2014). Perspectives of the Postmodern Trends in College Students' Values Based on: Case study of College Students in Beijing. *China Youth Study*, vol. 3.
- Zouev, A. (1999). *Generation in Geopardy. Children in Eastern and Central Europe and the former Soviet Union*. New York – London: Sharpe, UNICEF.
- Ссылки:** Koncepcia razvitiâ npravstvennogo i duhovnogo vospitaniâ graždanina Rossii. <http://mosmetod.ru/metodicheskoe-prostranstvo/nachalnaya-shkola/inklyuzivnoe-obrazovanie/fgos/kontseptsiya-dukhovno-npravstvennogo-razvitiya-i-vospitaniya-lichnosti-grazhdanina-rossii.html>.
- Vietnamese Youth in Modern Era. <http://www.thanhvien.com.vn/the-gioi-tre/dau-la-mau-hinh-thanh-nien-thoi-dai-moi-ky-5-song-co-hoi-bao-29262.html>.
- Youth and ICT. <http://www.un.org/esa/socdev/documents/youth/factsheets/youth-icts.pdf>.